

А. А. МИТРОФАНОВ

РОССИЯ КАК “АНТИПОД ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ” ПОЛИТИЧЕСКОЕ БЮРО ДИРЕКТОРИИ И ГЕНЕЗИС РУСОФОБИИ ВО ФРАНЦИИ

Статья посвящена конструированию образа России в революционной Франции. После переворота 18 фрюктидора V года Директория вводит цензуру, репрессии и создает секретную службу контроля за общественным мнением. Один из руководителей этого бюро, В.Р. Барбе рассматривает в своих сочинениях политическое устройство России. Возникновение «русофобии» связывают с последствиями наполеоновских войн и относят рождение этого феномена к первой четверти XIX в. На основе документов Национального архива Франции показано, что идея «русской опасности» для европейского баланса сил развивалась в 1797–1798 гг. неоякобинцами, которые фактически переняли эту идею у монархистов. Усилия Директории не породили в обществе «фобии», которая будет характерна для середины XIX века, хотя и усилили скептицизм относительно степени цивилизации России, которая оставалась удобной мишенью пропаганды.

Ключевые слова: фрюктидор, Ребель, Барбе, пропаганда, общественное мнение, пресса, Французская революция, Директория, Россия, русофобия

После государственного переворота 18 фрюктидора (сентябрь 1797 года) обновленная французская Директория вводит политическую цензуру, организует репрессии против роялистов и создает секретную службу пропаганды и контроля за общественным мнением – политическое бюро. Один из руководителей этого «бюро» – литератор, бывший якобинец Венсан Рене Барбе рассматривает в своих сочинениях политическое устройство России и предлагает различные политические линии политики в отношении русского двора. До настоящего времени возникновение «русофобии» связывают с последствиями наполеоновских войн и относят рождение этого феномена в разных европейских странах на конец первой четверти и вторую четверть XIX в. В настоящей статье на основе ранее неопубликованных документов Национального Архива Франции показывается, что идея «русской опасности» для европейского баланса развивалась в 1797–1798 гг. якобинскими публицистами, которые фактически переняли эту идею у таких монархистов как Малле дю Пан или де Пейсонель. Политические взгляды не создавали новой основы для восприятия внешней политики России в Европе, ее участия в делах польских и турецких. «Русский мираж», созданный философами Просвещения, утратил свою политическую актуальность в революционные годы, хотя в литературном мире образы просвещенных правителей России – Петра I и Екатерины II были все еще востребованы. Вместе с тем, даже пропагандистские усилия Директории в

печати не породили в революционном обществе настоящей «фобии», которая будет характерна для середины XIX в., хотя и усилили скептицизм относительно степени цивилизации России и политического развития ее народов. Французское общественное мнение в 1790–1800-е гг. было подвержено одной главной фобии – «англофобии», которая насаждалась властями очень активно и успешно. Россия же, как самый далекий враг революции, оставалась именно удобной мишенью пропаганды. Французское общество периода Революции обладало высокой степенью резистентности к идеологии и в нем все больше распространялось недоверие к прессе, что было результатом потрясений 1789–1795 гг., поэтому, политическая официальная печать, как и оппозиционная, распространявшая сведения о России, не была способна стать инструментом конструирования «фусофобии»¹. Запрос на имагологическую проблематику исследований остается весьма актуальным, так как сложности в международных отношениях порождены старыми стереотипами взаимных представлений и преодоление их во многом, если не полностью, зависит от глубины их понимания и интерпретации².

В историографии чаще всего уделяют внимание периоду Консульства и Империи, а потому вопрос об отношении французской печати последних лет XVIII столетия к России остается в тени³. Идеологи бонапартистской политики пытались строить позитивный образ России как возможной союзницы Франции при помощи традиционных и в целом негативно окрашенных стереотипных представлений, существовавших еще с середины XVIII века. Отличие было в том, что пропагандисты 1800-х годов вместо устаревшей идеи сдерживания российской экспансии при помощи «восточного барьера» предлагали заключить союз с Российской империей, сохраняя при этом прежний страх перед «северным колоссом»⁴. В наиболее отчетливой форме в более поздний период – периода Империи, это отражено в таких сочинениях как «Политика русской нации» (1807) и «О росте могущества России от ее истоков до начала XIX века» (1812)⁵.

Прежде чем обратиться к сочинениям периода Директории о Российской империи, в которых речь идет о противопоставлении политических систем Франции и России, отметим, что, в целом, французская «Россика» конца XVIII в. представляла собой пестрое сочетание противоположных мнений, где доминировал скептицизм относительно состояния и перспектив цивилизации России, в меньшей степени были

---

¹ Porkin 2011.

² Чудинов 2017. С. 234.

³ Митрофанов 2006.

⁴ Митрофанов 2006. С. 145.

⁵ *Politique de la nation Russe...*; Lesur 1812.

заметны сторонники философского «русского миража». Вместе с тем, немало авторов занимались разоблачением агрессивной, с их точки зрения, военной политики России против Турции, Польши и Швеции.

Среди череды сочинений революционной поры о России необходимо особо упомянуть три: «Об угрозе политическому балансу Европы»⁶ Малле дю Пана, «Философическое путешествие в Россию» Шантро и памфлет швейцарца Форнеро «Взгляд на современное состояние России»⁷. Два автора из трех упомянутых относились к представителям левого течения в Революции, но если Шантро в России никогда не был, то Форнеро ее посещал и работал здесь в качестве гувернера⁸.

Жак Малле дю Пан, книга которого вышла анонимно в 1789 г., очертил круг проблем дипломатических, военных и внутривнутриполитических, которые будут затрагивать все последующие авторы, обращавшиеся к России, его афористичные и яркие мысли станут основой для целой плеяды текстов на «русскую тему» следующего века и, хотя он отмечал, что «не существует государства от Каспийского моря до Гибралтара, чье спокойствие не поколебала бы Россия и не возбудила бы предусмотрительность», но цель его была в том, чтобы показать несостоятельность старой королевской политики Франции по созданию «восточного барьера» и указать на опасность роста влияния России на европейский баланс сил⁹. Сформулированные Малле дю Паном в самом начале революционного десятилетия темы положены в основу многочисленных докладов и записок департамента иностранных дел.

Среди схожих друг с другом текстов есть и «Дипломатическая записка о средствах помешать проектам России и раздавить эту огромную массу под ее собственным весом» некоего агента Дюрозуа, в 1796 г. развивавшего тему русской опасности для Турции и предлагавшего министру иностранных дел Директории конкретные действия: «Не стоит сомневаться, что кабинет Петербурга имеет планы на европейскую Турцию точно такие же, как и на несчастную Польшу. Нужно было бы совсем не иметь представления о честолюбии и упрямстве Екатерины, чтобы отказаться признавать такой очевидный факт. Три вида мер должны быть применены в обязательном порядке с целью разрушить замысел и сам колосс с помощью его же собственных сил. 1) Нужно заставить Порту признать изменников, что ее окружают, я имею в виду греков в министерстве, которые почти все склоняются в сторону России (я знаю имя и взгляды этих подлецов). Этот первый шаг, который примирит нас с турками полностью и укрепит турок в качестве наших

---

⁶ [Mallet du Pan] 1789.

⁷ Fornerod 1799.

⁸ Ржеуцкий, Банделье 2011.

⁹ Blanc 1968. P. 281.

союзников и обеспечит нам большое превосходство и влияние над ними. 2) Направить в Яссы талантливого патриота, который разъяснит грекам их подлинные интересы и представит в самых поразительных образах намерения петербургского двора. Следовательно, необходимо, чтобы он применил все средства с целью ослабить доверие русского посла при князе и других греческих сеньорах. С этого момента Молдавия не будет уже русской провинцией и не станет легким плодом их быстрых завоеваний. 3) Поскольку частью русской политики является постоянная поддержка внутренних врагов Порты, то это государство должно также постоянно поддерживать беспорядки в России и раздавить ее с помощью ее же самой. Чтобы добиться этой цели, Турция должна привлечь на свою сторону малых татар и казаков. Последние разделяются на три класса, то есть донские казаки, днепровские и украинские. Эти воинственные народы знают цену свободы, оплакивают свое право избирать главу и изгонять его по собственному желанию, они способны поднять 400 или 500 тысяч превосходных кавалеристов, ненавидящих русское ярмо и каждый год поднимают знамя восстания». План Дюрозуа базировался не только на обширной литературе о народах России, но и на хорошем знании истории. Написав о создании зоны нестабильности на южных окраинах Российской империи и сети секретных агентов, он заключал: «Нет иного средства победить этот колосс и остановить столь же быстрый, сколь и пугающий рост все увеличивающейся язвы. Нет другого средства вернуть Польше политическое существование, заставить воспрянуть Швецию и Данию. Мое пребывание в России в течение десяти лет убедило меня, что нет страны в мире более склонной к революции. Можно также почувствовать легче все причины к тому, чтобы не излагать их здесь»¹⁰.

Таким образом, дипломатические проекты относительно России «не для печати» существенно отличались от газетных статей, «русская угроза» Турции и косвенно интересам Франции рассматривалась здесь строго предметно, а не в качестве пропагандистского клише. Иная ситуация складывалась в области пропаганды, где к стереотипам «русского варварства» при описании политики России прибегали публицисты всех направлений, от оппозиционных монархистов до неоякобинцев.

Для темы настоящей статьи важен также и памфлет Форнеро, который в разгар военной кампании 1799 года, т.е. одновременно с другими пропагандистами Директории, пытался минимизировать в печати силу русской армии и заставить поверить швейцарцев и французов, что ей можно сопротивляться, развенчивая мифы о непобедимости и бесконечности русских войск. Крестьяне в России словно «несчастные

---

¹⁰ ААЕ. MD. Russie. XXXI. № 38. F. 331-332.

животные, которые, кажется, находятся посередине между человеком и зверем», армия же низкооплачиваема и плохо дисциплинирована¹¹.

В связи с особым интересом к русской теме и снятием цензурных ограничений с молчаливого или официального разрешения властей публикуются актуальные исторические сочинения о екатерининском царствовании Ж.А. Кастера, Ж.Ш. Лаво, К.К. Рюльера, исторический памфлет С. Марешаля¹². Но серьезная историческая литература оставалась уделом интеллектуалов. Для своих целей, как пропагандистских, так и дипломатических, правительство привлекало наиболее талантливых и близких к себе по политическим взглядам писателей и журналистов. В связи с этим стоит остановиться на фигуре журналиста Венсана Рене Барбе дю Бертрана, сыгравшего большую роль в организации политической пропаганды этого периода (1797–1799), прежде всего, своими попытками «мягкого» управления прессой и переосмысления отношений с ведущими державами. Все последующие авторы памфлетов о России в той или иной степени опирались на наследие периода Революции, хотя и не всегда ссылались на него.

Родившийся в 1770 г. в г. Туре, Барбе встретил Революцию в сутане ора토리анца, преподавал литературу в колледже Арраса. Его религиозные воззрения оказались не слишком устойчивыми, в 1789 г. он отказался от сана, женился и вступил в народное общество Арраса. В 1792 г. был арестован, но после падения монархии освобожден и назначен администратором дистрикта Бопом, оставаясь на этой должности до падения диктатуры монтаньяров. Немалую роль в судьбе Барбе сыграл видный монтаньяр, прославившийся своей жесткостью, комиссар Конвента Жозеф Лебон. После 9 термидора, когда для монтаньяров и особенно друзей Лебона в этом регионе наступили нелегкие времена, Барбе бежал и скрылся в Париже, где жил очень скромно, не занимая никаких должностей и зарабатывая преподаванием латыни. Только в 1797 г., за несколько месяцев до государственного переворота, член Директории Ребель принял Барбе на службу. После фрюктидора (в сентябре 1797 г.) при Директории под контролем генерального секретаря Лагарда создается бюро с целью способствовать исправлению общественного мнения в духе взглядов правящего триумvirата в Директории в составе Барраса, Ребеля и Ларевельера-Лепо. Бывший якобинец и журналист Барбе как нельзя лучше подходил для этой роли. Вместе с тем, он предпочитал не подписывать свои материалы подлинным именем, так как был не раз узнаваем в Париже как пособник «монстра» Лебона. Барбе занимался разными политическими вопросами и это отражено в архивных коллекциях, большая часть их хранится

---

¹¹ Corbet 1967. P. 37.

¹² Maréchal 1807.

в Национальном Архиве Франции и Национальной Библиотеке Франции, а незначительная часть переписки – в РГАСПИ (Москва)¹³. Документы Национального Архива и РГАСПИ, положенные в основу данной статьи, относятся к 1799 г., когда Россия уже вступила в военные действия против революционной Франции, и никогда не публиковались в печати, поскольку носили конфиденциальный характер, и требовалось одобрение генерального секретаря Директории или ее членов, чтобы сделать эти тексты достоянием общественности.

Сочинения Барбе о России 1797–1799 г. относятся к жанру политического памфлета, часть из них печаталась в парижской прессе «под влиянием», т.е. в интересах правительства, часть оставалась в рукописном виде и оказывалась на столе у членов Директории. Особенно интересно, что они созданы уже в период царствования Павла I, когда в среде французских дипломатов существовали надежды на урегулирование отношений между Россией и революционной Францией, но уже прорисовывались контуры Второй антифранцузской коалиции.

23 термидора VI г. Барбе направляет Директории мемуар «О политической системе России», который был рассмотрен и рекомендован одним из высших руководителей, возможно, секретарем Ж. Лагардом, к печати в парижских газетах с уточнением «если статья будет одобрена». В этом памфлете он предлагает широкую панораму российской политики, но в центре его внимания остается главный аспект – участие России в антифранцузской коалиции. Оставаясь верным традициям революционной журналистики, Барбе останавливается на отношениях русского двора с философами, отрекаясь от их заблуждений, а также делает вывод о том, что в российском климате и при необъятных территориях, по-видимому, невозможно создать цивилизованную империю, а потому российские государи с завидным постоянством обращают свои взоры в сторону Турции и германских земель. Екатерину II на троне сменил «мрачный» и «фанатичный» Павел I, обладающий к тому же «весьма слабым умом» и еще большими, чем у его матери амбициями. «Павел во власти своей химерической идеи, что он является единственным антиподом Французской революции, добавляет к этому изощренную теорию рабства, которую хочет представить при заключении сделки по мере развития наших принципов равенства, он извлекает из глубин памяти кого-либо из своих рабов, что кажутся наиболее ревностными в культе Святого Николая, чтобы устроить апофеоз, противопоставить, таким образом, одного многим великим, которых мы поместили в Пантеоне». Но, несмотря на столь нелестную характеристику русского императора, Барбе делает прогнозы возможного раздела влияния в Европе с участием России: «Очевидно, Павел, накапливает силы

¹³ AN / III / 45. Dossier 64; РГАСПИ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-12.

в широчайших владениях Турции, чтобы приблизить агрессивные планы и на остальной части Европы, его влияние доминирует в Германии с целью вступить в схватку с великой нацией франков. Равновесие Европы с этого момента перестает существовать, континент подвергается разделению между Францией и Россией, но господство на море остается за Великобританией и, таким образом, скипетр русских не более чем прут, по сравнению с ее трезубцем»¹⁴.

Именно Барбе принадлежит, как можно предположить, честь создания парадокса французской пропаганды периода войны со Второй коалицией: русский император Павел – защитник мусульманского культа и интересов Турции. «Неверный» с точки зрения исламской религии монарх, помогает султану подчинить себе других мусульман. 40 тыс. русских должны прийти и захватить Виддин у паши Пассван-Оглу, укрепить Константинополь за султаном, а для этого необходимо, чтобы Павел собрал на широких пространствах Турции свои войска. С легкой руки Барбе и его сотрудников-официозных журналистов, этот сюжет станет весьма популярным в прессе.

В интерпретации Барбе, внимание и интересы Петербурга переключаются с Босфора на земли Германии. При этом ни разу в обширной коллекции документов за подписью Барбе и его коллег не обнаруживается упоминаний «Завещания Петра Великого» и подобных апокрифов. Выводы и предложения Барбе касаются германских государей и австрийского императора, их взаимоотношений не только с Россией, но и с коварной Англией. Характерен совет, который автор памфлета дает венскому двору: «Окинь взором вокруг себя, обдумай твои рискованные возможности, которые британская политика рассеивает вокруг твоего трона, открой же глаза на твои собственные интересы, и ты станешь верным союзником Франции против узурпаций России»¹⁵.

В контексте объявления коалицией войны Французской республике, Барбе рассматривает отношения революционной Франции с Российской империей и в своем «Декадном обозрении», подготовленном в апреле-мае 1799 года специально для членов Директории. Рукописные «Обозрения» являлись продолжением традиции придворных альманахов, характерных для публицистики XVIII в., т.е. не предназначались для публикации, поэтому обратим внимание на термины и основные принципы советника Директории по пропаганде. «Австрия нам объявила войну до победного конца, но она составляет против нашего нового правительства заговор; ей не так уж важно, Директория или Бурбоны правят на берегах Сены, но знаки революции, что расцветают

---

¹⁴ AN /III/ 45. D. 164. F. 60.

¹⁵ AN /III/ 45. D. 164. F. 60.

вокруг нее, ее беспокоят, она боится, что ее императорский скипетр может ослабеть и хочет теперь революционизировать Германию с помощью русской системы и заняться Саксонией, Баварией, Швабией и Франконией; она призвала русских, чтобы подняться над капитуляциями, как было прежде, когда император оставался первым среди равных в республике между немецкими князьями [...] Бавария и Палатинат должны пассивно действовать согласно его верховной воле, последние события в Раштатте показывают, что больше нет необходимости в торжественном и бережном обращении с вещами, освященными законами, Павел, верный своей обычной линии, теперь придет и поддержит трон цезарей, чтобы наконец-то стать настоящим Дон Кихотом монархии, я полагаю, что этот варвар имеет глубокие потаенные амбициозные мысли и держит их в самой глубине своей души»¹⁶.

Очередной государственный переворот 30 прериаля VII года, серьезно изменивший соотношение сил во Франции, привел к тому, что система пропаганды Директории была реорганизована, а политическое бюро изменило функции. Тем не менее, Барбе продолжил обращаться в Директорию с конкретными предложениями по текущим политическим темам. Так в РГАСПИ сохранилась его переписка с членом Директории Ж.П. Баррасом, где он неоднократно возвращается к вопросу о роли России в новом балансе сил в Европе¹⁷. Однако, нигде в материалах политического бюро и в фондах внешнеполитического ведомства мы не обнаруживаем следов апокрифичных документов, все мемуары и обзоры имели четкую цель и аудиторию, как правило, оставаясь недоступными широкому читателю. Ссылки на европейскую прессу в текстах о России вызывали у республиканской элиты больше доверия, нежели фантазии на тему возможного «русского господства» на континенте. Сама же идея о страхе перед «русской угрозой», опасностью «роста русского могущества» на протяжении всех революционных лет оставалась только эхом реальных опасений французского правительства относительно военных возможностей России против Турции, а также таких стран, как Польша и Швеция, это вовсе не носило характера всеобъемлющей фобии. Только в самом конце режима Директории в общественном сознании впервые появляется представление о возможном столкновении с русскими войсками не только на чужих землях, но и непосредственно у границ Франции и в этом не было заслуг революционной пропаганды, поскольку впервые с 1789 года Россия принимала реальное участие в войне против Французской республики.

---

¹⁶ AF/III/45. D. 164. F. 59-60.

¹⁷ Barbet au citoyen Directeur Barras. 12 fructidor, an VII. РГАСПИ. Ф. 32. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 1-3.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гро Д. Россия глазами Европы. Триста лет смены ракурсов. Отечественные записки. № 5 (38). 2007. С. 6-28.
- Митрофанов А.А. Русско-французские отношения в зеркале бонапартистской пропаганды (1800-1801 гг.) // Французский ежегодник 2006: Наполеон и его время. К 100-летию А.З. Манфреда (1906-1976). М., 2006. С. 130-145.
- Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 320. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-12.
- Ржеуцкий В. С., Банделье А. «Республиканец» Форнеро: швейцарский гувернер против царской пропаганды // Французский ежегодник 2011: Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. М., 2011. С. 265-293.
- Чудинов А.В. История Французской революции: пути познания. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 280.
- Archives des affaires etrangeres. (AAE) MD. Russie. XXXI. № 38. F. 331-332.
- Archives Nationales (AN)/III/45. Dossier. 164. F. 59-60,142-143.
- Blanc S. Histoire d'une phobie: Le Testament de Pierre le Grand // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 9. P. 265–293.
- Corbet Ch. A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799-1894). Paris: Didier, 1967.
- Fornerod. Coup-d'oeil sur l'état actuel de la Russie, envisagée sous ses rapports physique, moral, économique, politique et militaire, ou les Russes tels qu'ils sont, par un ami de la vérité. Lausanne, 1799. 238 P.
- Lesur Ch.-L. Des progres de la puissance Russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIX. siecle. Paris, 1812. 460 P.
- [Mallet du Pan] Du péril de la balance politique de l'Europe, ou exposé des motifs qui l'ont altérée dans le Nord depuis l'avènement de Catherine II au trône de Russie. Londres, 1789.
- Maréchal S. Histoire de la Russie, réduite aux seuls faits importants, par l'auteur du «Voyage de Pythagore». Paris: Arthus-Bertrand, 1807.
- Politique de la nation Russe. Amsterdam, 1807. P. 380;
- Popkin J. La Presse de la Revolution. Paris, 2011. P. 356.

REFERENCES

- Gro D. Rossiya glazami Evropy. Trista let smeny rakursov. Otechestvennye zapiski. № 5 (38). 2007. S. 6-28.
- Mitrofanov A.A. Russko-francuzskie otnosheniya v zerkale bonapartistskoj propagandy (1800-1801 gg.) // Francuzskij ezhegodnik 2006: Napoleon i ego vremya. K 100-letiyu A.Z. Manfreda (1906-1976). M., 2006. C. 130-145.
- Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii. RGASRI. F. 320. Op. 1. D. 3. L. 1-12.
- Rzheuckij V. S., Bandelie A. «Respublikanec» Fornero: shvejcarskij guverner protiv carskoj propagandy // Francuzskij ezhegodnik 2011: Frankoyazychnye guverneri v Evrope XVII–XIX vv. M., 2011. C. 265-293.
- Chudinov A.V. Istoriya Francuzskoj revolyucii: puti poznaniya. M.: Politicheskaya ehnciklopediya, 2017. S. 280.
- Archives des affaires etrangeres. (AAE) MD. Russie. XXXI. № 38. F. 331-332.
- Archives Nationales (AN)/III/45. Dossier. 164. F. 59-60,142-143.
- Blanc S. Histoire d'une phobie: Le Testament de Pierre le Grand // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 9. P. 265–293.
- Corbet Ch. A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799-1894). Paris: Didier, 1967.
- Fornerod. Coup-d'oeil sur l'état actuel de la Russie, envisagée sous ses rapports physique, moral, économique, politique et militaire, ou les Russes tels qu'ils sont, par un ami de la vérité. Lausanne, 1799. 238 P.
- Lesur Ch.-L. Des progres de la puissance Russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIX. siecle. Paris, 1812. 460 P.

[Mallet du Pan] Du péril de la balance politique de l'Europe, ou exposé des motifs qui l'ont altérée dans le Nord depuis l'avènement de Catherine II au trône de Russie. Londres, 1789.
Maréchal S. Histoire de la Russie, réduite aux seuls faits importants, par l'auteur du «Voyage de Pythagore». Paris: Arthus-Bertrand, 1807.
Politique de la nation Russe. Amsterdam, 1807. P. 380;
Popkin J. La Presse de la Revolution. Paris, 2011. P. 356.

Митрофанов Андрей Александрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; paxgallica@gmail.com

Russia as an “antipode of the French revolution”.
The political bureau of the Directory and the genesis of “Russophobia” in France

After the revolution, on 18 Fructidor of the year V the Directory introduced censorship, initiated repressions and established a bureau for control of public opinion. One of heads of this bureau, a Jacobean V.R. Barbet discussed the political system of Russia. Emergence of “Russophobia” is often connected with the consequences of Napoleonic wars and the birth of this phenomenon is usually dated by the first quarter of the 19th century. On the basis of documents of National Archive of France, it has been shown that the idea of "the Russian danger" to the European balance of forces was developed in 1797-1798 by Jacobeans who actually borrowed this idea from monarchists. The efforts of the Directory did not produce a “phobia” in the society, which would be characteristic of the middle of the 19th century, though it succeeded in increasing skepticism concerning degree of a civilization of Russia.

Keywords: Fructidor, Reubell, Barbet, propaganda, public opinion, press, French Revolution, Directory, Russia, Russophobia

Mitrofanov Andrey Aleksandrovich, researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; paxgallica@gmail.com